

Шахиншах Иранский, Елизавета Английская и Елизавета Бельгийская

С Ворошиловым, быстро старевшим умом, но не телом, то и дело случались различные происшествия. Я бы назвал их комическими, если бы комизм в большой политике не сопровождался весьма неприятными для страны последствиями.

В субботу, 23 декабря 1955 года Климент Ефремович принимал посла Ирана Абдул Гуссейн Ансари по случаю вручения верительных грамот. Все шло в соответствии с протоколом. Процедура вручения верительных грамот сама по себе необременительная, распisanная до мелочей, казалось, не могла таить никаких подводов. В соответствии с правилами, посол произнес короткую речь, в частности, как написано в газете «Известия» – официозе Верховного Совета СССР, отметил, что «предстоящее посещение его Величеством шахиншахом Советского Союза, весть о котором была встречена с таким сердечным одобрением со стороны советской общественности, укрепит более чем когда-либо дружбу и взаимопонимание между обеими странами и послужит делу мира».

Переговоры о визите велись давно, шах тянул с ответом и вот наконец передал через вновь назначенного посла свое согласие. Отец этому визиту, свидетельствовавшему о начале процесса восстановления в Иране доверия к нашей стране, практически разрушенного Сталиным после войны, когда он намерился «поглотить» временно оккупированный советскими войсками Иранский Азербайджан, придавал немалое значение. Они смогут поговорить с глазу на глаз, он убедит шаха, что к старому возврата нет, опасаться Советского Союза нет никаких оснований.

Отвечая послу, Ворошилов читал по бумажке, что советское руководство и он лично приветствуют заявление посла о визите шахиншаха в Советский Союз, и пообещал, что советская сторона примет высокого гостя тепло и по-дружески. Закончив обмен официальными речами и чокнувшись бокалами с шампанским, Ворошилов и посол присели к стоявшему в углу зала круглому белому столу. Протокол предусматривал неофициальную краткую, минут на пять-десять, беседу.

Поблагодарив посла, осведомившегося о его здоровье, Ворошилов, которому запала в голову информация о предстоящем визите шаха в СССР или просто одно слово «шах», вдруг оживился.

– Что это вы у себя шаха все терпите? – неожиданно спросил он посла. – Мы своего царя Николашку давно скинули, и вам пора...

Ошеломленный дипломат пробормотал что-то невразумительное и спешно отклонился.

Из аппарата Президиума информация о происшествии, напоминавшем рассказы Йозефа Швейка о престарелом императоре Франце-Иосифе, наружу не просочилась. Там решили прикрыть шефа. Чиновники быстро привыкают к причудам начальства.

Хуже себя чувствовал посол. Он никак не мог решить, как расценивать отношение главы соседнего могущественного государства к своему монарху и написал в Тегеран обо всем, как было. Через некоторое время на стол отцу легла копия расшифрованного КГБ донесения посла шаху.

Он за голову схватился... Все усилия восстановить доверие шаха Ирана – коту под хвост. После таких слов главы Советского государства он может вообще отказаться от визита. И будет абсолютно прав. Расстроенный и рассерженный отец потребовал от Ворошилова объяснений и не приватно, а на заседании Президиума ЦК.

Ворошилов обиженно, несмотря на лежавший перед ним текст иранской шифровки, убеждал коллег, что он «такой глупости сказать не мог, потому что это не в моей натуре. Я, не хвастаясь, могу сказать, что в отношении деликатности и умения вести себя среди этой братии я вполне владею... Как я мог говорить что-то недопустимое?»

Кто-то из присутствовавших усомнился в квалификации переводчика, возможно посол что-то недопонял, уж больно анекдотично звучало все происшедшее. Но из справки МИДа следовало, что посол перед революцией окончил Петербургский университет и в переводчике по существу не нуждался.

Припертый к стене Ворошилов вину свою признал, засокрушался: «Бес попутал...» Отец вспылил: «Да ты, Клим, так ненароком и войну объявить можешь...»

Эта история продолжения не получила. Шахиншах Ирана словам Ворошилова значения не придавал, он грамотно оценивал расстановку сил в советском руководстве.

25 июня 1956 года отец с Ворошиловым встречали шаха Мохаммеда Реза Пехлеви и шахиню Сорейю во Внуковском аэропорту. Визит прошел на редкость удачно. Отец остался доволен, но потом подтрунивал над Климентом Ефремовичем, как тот вознамеривался устроить в Иране революцию. Ворошилов кисло улыбался в ответ, но то, как отец выставил его на посмешище, пусть и перед своими, запомнил.

Внешне Ворошилов держался по отношению к отцу подчеркнуто дружески и, я бы сказал, подобострастно. Отец же позволял себе шутить над Ворошиловым, как ему казалось, совершенно безобидно.

Приведу пример, которому я оказался свидетелем. Во время отпусков отец считал уместным один раз собрать вместе отдыхавших в округе значительных лиц: руководителей социалистических стран и братских компартий, военачальников, министров – всех, естественно, с семьями. Прием начинался с утра и проходил в пустовавшем царском дворце, расположенном в горах над Массандрой. Гуляли, шутили, стреляли из ружей по тарелочкам и, конечно, беседовали. Ради бесед эти встречи и затевались. Часа в три садились за стол. В запомнившийся мне год стояла сильная жара, и отец предложил обойтись без алкоголя. Ворошилов стал шумно возражать. Отец пошептался с официантом, и перед Климентом Ефремовичем появилась бутылочка его любимой «Столичной». Он сам наполнил себе первую рюмку, остальные гости за неимением ничего более крепкого ограничились виноградным соком. Ворошилов встал и начал свой коронный тост за женщин. В течение последних лет он его произносил всегда и везде. Он говорил долго, цветисто и немного напыщенно. Наконец, провозгласив здравицу, он ловко, в один глоток, «хлопнул» рюмку. Отец пригубил свой сок и исподтишка поглядывал на Ворошилова. Тот глотнул содержимое, поперхнулся, густо покраснел и начал недоуменно озираться. Никто, кроме отца, не понял, что произошло.

Тот же по-детски радовался удавшейся шутке. По его просьбе бутылку заполнили ледяной кипяченой водой.

Наконец Ворошилов очухался и недоуменно произнес: «Вода?» Отец заразительно рассмеялся, его поддержали все остальные, сидевшие за столом. Все, кроме Ворошилова. Он разозлился, буркнул: «Так и отравить могут» и, насупившись, сел. Отец начал его успокаивать – все это лишь безобидный розыгрыш, но Климент Ефремович понять его не желал. Настроение у него испортилось на весь оставшийся день. Происшествие, конечно, незначительное, но лучше бы отцу не шутить так с членом Президиума ЦК.

В ноябре 1956 года произошел еще один трагикомический случай. Ворошилов спутал английскую королеву с бельгийской. Как известно, главы государств и правительств протоколно поздравляют друг друга с праздниками, если, конечно, в отношениях между странами не возникают шероховатости, когда взаимные любезности становятся неуместными. После нашего вмешательства в Венгрии, а Великобритании – в Египте, поздравлений по случаю очередной, 39-й годовщины Октябрьской революции от английской королевы не ожидали. Поэтому, когда Ворошилову доложили, что получена телеграмма за подписью королевы Елизаветы, он растрогался. Клим Ефремович слыл человеком сентиментальным, а тут после всего случившегося королева сочла возможным поздравить его с праздником.

В Лондон полетела не менее теплая телеграмма благодарности. Однако британское Министерство иностранных дел отправило телеграмму обратно с формальным разъяснением: «Наша королева никаких посланий Ворошилову не направляла». Стали разбираться, оказалось, поздравление от королевы Елизаветы действительно получили, но не английской, а бельгийской. Бельгия, в отличие от Англии, с Советским Союзом не ссорилась, а их королева, питавшая пристрастие к русской музыке, не раз неофициально приезжала в Москву, ходила в консерваторию и Большой театр. Более того, она вопреки, а возможно и в пику «атлантической» натовской солидарности, регулярно посещала конференции в защиту мира, выступала за ядерное и вообще всякое разоружение. Естественно, что по случаю государственных праздников королева Елизавета Бельгийская неизменно поздравляла Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Не изменила она традиции и на этот раз, несмотря на Венгрию, Суэц и все прочее. На то она и королева, чтобы не обращать внимания на политическую возню. Почему Ворошилов решил, что телеграмма от английской королевы? Не знаю. Когда 22 ноября 1956 года на Президиуме ЦК разбирались с «посылкой ответа тов. Ворошилова английской королеве на телеграмму, полученную в адрес тов. Ворошилова от бельгийской королевы», всю вину свалили на аппарат, самому Ворошилову лишь попеняли на «недопустимую доверчивость, в результате чего произошла такая грубая ошибка и халатность».